

E $\frac{9}{428}$

29/428

А

~~СНОШЕНІЯ~~ РОССІИ

СЪ

ЕВРОПЕЙСКІМИ ДЕРЖАВАМИ.

Передъ войною 1812 г.

соч. **А. Н. Попова.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Бол. Сад. д. № 49—2).

1876.

А

А

СНОШЕНІЯ РОССІИ

СЪ

ЕВРОПЕЙСКІМИ ДЕРЖАВАМИ.

Передъ войною 1812 г.

соч. **А. Н. Попова.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Бол. Сад. д. № 49—2).

1876.

знаніи характера Наполеона, самолюбиваго и страстнаго къ разрушенію, то нельзя отвергать и того, что въ то же время оно подтверждается и многими положительными данными и поэтому должно обратить на себя вниманіе. Впрочемъ, всякое сомнѣніе въ этомъ случаѣ было бы весьма опасно. Напротивъ, если мы остановимся на этомъ предположеніи и съ нимъ будемъ сообразовать наши расчеты и дѣйствія, то отъ этого произойдетъ несомнѣнная польза. Если въ настоящее время мы будемъ смотрѣть на войну, какъ на дѣло неизбежное, то успѣемъ сдѣлать всѣ приготовленія, чтобы вести ее съ успѣхомъ. Чѣмъ болѣе затрудненій мы въ состояніи будемъ противопоставить Наполеону, тѣмъ болѣе мы можемъ надѣяться обратиться и его самого къ миролюбивымъ видамъ. Наоборотъ, чѣмъ менѣе мы будемъ приготовлены, тѣмъ болѣе онъ будетъ склоненъ начать войну, которая увлекаетъ его надеждою побороть единственную великую державу, еще сохраняющую возможность быть независимою и отклонять своею помощію ту гибель, которая постоянно угрожаетъ другимъ державамъ“.

Даже князь Куракинъ, сочувствовавшій Наполеону и его семейству, желавшій поддержать союзъ Россіи съ Франціей, постоянно наблюдая вблизи характеръ Наполеона въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, понялъ наконецъ, что только внѣшняя грубая сила можетъ поставить въ границы его властолюбіе, не ограничиваемое никакими нравственными началами и окончательно утратившее въ это время всякое понятіе о различіи между истиною и ложью, честью и безчестьемъ, добромъ и зломъ. Дѣйствительно, только грозныя силы для обороны, приготовленныя Россіей, могли или отсрочить или совершенно устранить хищническое покушеніе на ея существованіе, какъ самостоятельной державы. Поэтому совѣтъ нашего посланника не вѣрить миролюбивымъ рѣчамъ Наполеона, и смотря прямо на враждебныя его дѣйствія, приготовляться къ войнѣ, соотвѣтствовалъ какъ нельзя болѣе обстоятельствамъ времени. Но такой совѣтъ не былъ новостью для русскаго правительства, которое давно уже было увѣрено въ неизбежной войнѣ съ Наполеономъ и готовилось къ ней. Впрочемъ, не вопросъ о приготовленіяхъ къ войнѣ занималъ всѣхъ; но о томъ, можетъ ли Россія приготовиться въ той мѣрѣ, чтобы съ успѣхомъ противустоять грозному врагу. Князь Куракинъ, пораженный гениемъ Наполеона, какъ полководца, и зная огромныя военныя средства, которыми онъ могъ располагать, принадлежалъ къ числу тѣхъ, для коихъ этотъ вопросъ разрѣшался отрицательно. Полагая, что одна Россія не обладаетъ достаточными спо-

собами противостоять такому врагу, онъ совѣтовалъ ей искать заблаговременно союзниковъ. „Наканунъ этого новаго переворота“, писалъ онъ, — „начало котораго опредѣлить не возможно, потому что онъ будетъ зависѣть отъ различныхъ случайныхъ причинъ и особенно отъ хода военныхъ дѣйствій Французовъ въ Португаліи и Испаніи, я не исполнилъ бы своей обязанности и не удовлетворилъ бы требованіямъ моей личной преданности вашему величеству, еслибъ, указывая на положеніе Россіи, въ то же время не представилъ бы моихъ соображеній о тѣхъ средствахъ, которыя могли бы сдѣлать его болѣе благопріятнымъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ внѣшнимъ сношеніямъ, о которыхъ по моему званію я могу единственно судить по тому положенію, въ которомъ я нахожусь, то-есть въ средоточіи всѣхъ политическихъ движеній“.

Въ представляемыхъ императору соображеніяхъ, Куракинъ говорилъ, что стоитъ лишь взглянуть на карту Европы, чтобы замѣтить, что „отъ Пиренеевъ до Одера, отъ Зунда и до Мессинскаго пролива — все Франція“, и что при настоящемъ положеніи дѣлъ все послѣдуетъ за тѣмъ движеніемъ, которое возбудитъ воля императора Наполеона. Въ этихъ государствахъ можно лишь разчитывать на содѣйствіе *народовъ*, доведенныхъ до отчаянія противъ ихъ угнетателей; но „известно, какъ не надежны подобные союзники, и что есть различіе между характерами Испанца и Голландца, Нѣмца и Итальянца“. За этими небольшими государствами, которыя въ настоящее время можно считать какъ-бы совершенно присоединенными къ Франціи, представляются *развалины* двухъ монархій, когда-то могущественныхъ, но теперь ослабленныхъ, едва продолжающихъ безсильное существованіе и которыя могутъ быть немедленно уничтожены, лишь только бы Франція заподозрила ихъ въ связяхъ съ нами. Ихъ положеніе въ настоящее время весьма двусмысленно. Ихъ истинныя выгоды, конечно, влекутъ ихъ къ Россіи, потому что если она погибнетъ, то никто уже не можетъ ихъ спасти. Сила обстоятельствъ, ложные разчеты, взаимное соперничество, которыми руководились кабинеты Берлинскій и Вѣнскій, подчинили ихъ игу Франціи. „Я не буду удивленъ“, говоритъ князь Куракинъ, — „если Австрія и Пруссія соединятся съ Франціей, — такъ неопредѣленны ихъ воззрѣнія, и такъ онѣ желаютъ обмануть себя въ приближеніи переворота, котораго самѣ онѣ, сначала одна, а потомъ другая, сдѣлаются неминуемыми жертвами“. Изъ этого-то неопредѣленнаго состоянія Куракинъ совѣтовалъ во что бы то ни стало вывести какъ Австрію, такъ и Пруссію, потому что прежде